

Юлия
БУЗАКИНА

БЫВШИЙ МУЖ

Она еще твоя,
МАЙОР

Юлия Бузакина

Она еще твоя, майор

«Литнет»

2025

Бузакина Ю.

Она еще твоя, майор / Ю. Бузакина — «Литнет», 2025

— Она это была, Влад. Мамой клянусь. Я на миг даже дар речи потерял. Мы автобусы проверяли, а этот из Турции прибыл! Следователь Андрей Пичугин отвлекается. Ставит на наш стол пакет из мини-маркета, а я замираю с чайной ложкой в руке. — Одна вернулась? — цежу сквозь зубы самый болезненный вопрос. Пичугин хмурится. — Нет. Я сглатываю. Чувствую, как дергается кадык. — С мужем? — почти хриплю. В глазах темнеет. Другого мужчину рядом с ней я не вынесу. Не смогу. — Хуже, товарищ майор, — бурчит Пичугин, и у меня взлетает бровь. Что может быть хуже успешного и богатого мужика рядом с любимой женщиной? — С сыном и твоей бывшей тещей, — бьет наповал. — С сыном?.. — протягиваю изумленно и перестаю дышать. В книге есть: шикарный мужчина, бывшие муж и жена, встреча через время, общий ребенок, чувства, которые так и не угасли. Местами больно, местами с юмором. ХЭ!♥#НОВИНКА!!! НОЧЬ С АДВОКАТОМ -

© Бузакина Ю., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Влад	5
Глава 2. Марина	7
Глава 3. Марина	9
Глава 4. Влад	12
Глава 5. Влад	14
Глава 6. Марина	16
Глава 7. Влад	18
Глава 8. Влад	22
Глава 9. Влад	25
Глава 10. Марина	28
Глава 11. Марина	31
Глава 12. Влад	34
Глава 13. Влад	36
Глава 14. Марина	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1. Влад

— Она это была, Влад. Мамой клянусь. Я на миг даже дар речи потерял. Мы автобусы проверяли, а этот из Турции прибыл!

Следователь Андрей Пичугин отвлекается. Ставит на наш стол пакет из мини-маркета, а я замираю с чайной ложкой в руке.

Чувствую, как от голода сводит желудок. В последний раз кофе пил ранним утром, а сейчас пять часов вечера.

Только есть нам некогда. Мы сегодня по заданию вышестоящего начальства ловили особо опасных преступников. Ребята из опергруппы прочесали все вокзалы и даже в неработающий аэропорт ездили. Полчаса назад рейд закончился. На этот раз успешно. Задержали бандитов на выезде из города - ДПС выручил. Открыли багажник на досмотре – а там полный арсенал. Чего только нет! Оружием приторговывали. У нас здесь граница рядом. А дальше – военные действия. Гуляй – не хочу. Сволочи...

Андрей ставит передо мной контейнер, в котором два сэндвича с курицей.

Бросает на меня угрюмый взгляд, и я сжимаю кружку чая в крепких руках с такой силой, что кажется – еще миг, и кружка расколется пополам.

Марина вернулась? Надо же...

Прикрываю на миг глаза, и сердце жжет каленым железом. Память, услужливая сука, мгновенно зашвыривает в прошлое. Семь лет назад я любил жену до одури. На руках носил... «Не сошлись характерами» - скажем потом в зале суда. Она – переводчик, свободно владеет английским, французским и турецким языками, а я – следователь из уголовного розыска. Брутален и мрачен, занимаюсь особо опасными преступлениями, на оперативной работе. Какое тут общее будущее? Я за ней в Стамбул не полечу, невыездной я. А ей никак не остаться, в Стамбуле предлагают хорошие деньги за работу. Такие специалисты у них в цене.

В кабинете виснет напряжение.

Андрей, видимо, чувствует себя виноватым за то, что испортил нам поздний обед. Мнет салфетку, сверлит взглядом свой контейнер с салатом а-ля «оливье» из местного мини-маркета. Распаковывает вилки.

— Одна вернулась? — цежу сквозь зубы самый болезненный вопрос.

Пичугин хмурится, ковыряет пластиковой вилкой бурду в контейнере.

— Нет.

Я слатываю. Чувствую, как дергается кадык.

— С мужем? — почти хриплю. В глазах темнеет. Другого мужчину рядом с ней я не вынесу. Не смогу. Слишком ноет, слишком живо в сердце воспоминание о любимой девочке Марине, которую в прошлом носил на руках.

Нет, бабы, у меня, за эти годы, конечно, были. Но все не серьезно.

— Хуже, — бурчит Пичугин, и у меня взлетает бровь. Что может быть хуже успешного и богатого мужика рядом с любимой женщиной?

— С сыном и твоей бывшей тещей, — бьет наповал.

— С сыном?... — протягиваю изумленно. Про тещу пропускаю мимо ушей. Знаю, проходили. Друг друга если увидим, переходим на другую сторону улицы, чтобы ненароком не сцепиться. Валентина Аркадьевна у нас дама голубых кровей, смириться с тем, что ее любимая доченька замуж за грубого неотесанного оперативника вышла, не смогла. Все тулила ей в женихи сына своих высокоморальных знакомых. Он у них музыкант, в духовом оркестре играет на трубе. Или на гармонии? Не слишком я разбираюсь в музыкальных тонкостях.

— Да, Влад. С сыном, — вырывает меня из размышлений Андрей. — Теща твоя меня сразу узнала. Просила тебе не говорить, что я их встретил.

Я откидываюсь назад в кресле, и оно жалобно скрепит. Потираю колючий подбородок.

— Сколько мальчишке?

Андрей жмет плечами.

— Лет шесть-семь, — выдыхает шумно. — Я бы может, тещу твою послушал и тебе ничего не сказал, больше ради тебя самого и твоего душевного благополучия. Да только глаза у мальчишки твои, Влад. Карие, мрачные. Как будто в душу смотрят. Только ты так можешь смотреть на людей.

Я перестаю дышать. Сердце больно дергается и летит в глубокую пропасть. Горечь опалает легкие. Сын?

«Мышонок, как же так? Ты родила ребенка и не потрудилась сообщить?»

— Ладно, Влад. Раз уж начал, закончу, — добивает меня Пичугин. — Теща твоя, Валентина, не без удовольствия добавила, что тебе умышленно о мальчишке не сообщили. Ты бы не потянул о ребенке заботиться. Прилететь бы не смог, а доченька ее ненаглядная связана контрактом. Боялись, что к тебе сорвется, и тогда пиши пропала мамина безбедная турецкая жизнь.

Кружка грохает о стол.

— Не потянул бы? — задыхаюсь от острой несправедливости. — Это Валентина так решила? Стерва...

Андрей морщится.

— В общем, товарищ майор, я вам ничего не говорил, — отправляет в рот вилку салата. — Фу, ну, зачем они сюда вареную морковь кладут? Ненавижу.

Я остаюсь неподвижным, но видимо, выражение моего лица выдает состояние с головой, потому что Пичугин отводит взгляд. Роет вилкой в салате, выбирает кубики моркови, сбрасывает их на пластиковую крышку. Передергивает от отвращения плечами.

Я загребая к себе контейнер с сэндвичами, как хищник лапой и зло мну пластик.

— Выяснить, почему Марина вернулась, сможешь? — спрашиваю напряженно. — Ненавязчиво?

— Ненавязчиво – это как? На допрос пригласить?

Я закатываю глаза.

— Тещу мою на свидание пригласи. Она языком молоток мастер. После бокала шампанского родину продаст. А дочку и подавно.

— Иди ты, — Пичугин пугливо фыркает.

— А что? Теща моя – баба красивая. Сорок пять – баба ягодка опять. К мужскому полу питает слабость.

Отчаявшись избавиться от вареной моркови в салате, Пичугин просто выплевывает ее на крышку от контейнера.

— Влад, давай без этого, а? — кривится от моего предложения.

Я сминая пустой контейнер.

«Вот значит, как вы со мной, Валентина Аркадьевна? На роль отца не тяну? Что ж, это мы еще посмотрим. Ждите вечером бывшего зятя на чай!»

Давлю кулаком смятый контейнер и отправляю его в урну, что стоит под столом.

Глава 2. Марина

— Мам, а вы где? — спрашиваю с тревогой в трубку.

— Да вот же мы, Марина! У турникетов...

Я верчу по сторонам головой. Все пытаюсь разглядеть в толпе маму и Тимура. Больше волнуюсь за сына. Ему всего шесть, и в России он впервые. Переживает.

Взгляд цепляет мамину яркую шляпу цвета бордо, и я выдыхаю. Долгое путешествие на автобусе – самое жуткое приключение в моей жизни. Никогда больше не решусь на такое.

Подхватываю объемные чемоданы на колесах, тащу их через толпу. Помогать мне мама не собирается. Не царское это дело, чемоданы таскать.

Я удивляюсь, что на вокзале так много полицейских.

Все же, семь лет разлуки с родной страной дают о себе знать. Когда я покидала Россию, здесь было по-другому. Свободнее, проще. А теперь мы – приграничная зона. В телефоне всплывает сообщение о беспилотной опасности. Пугаюсь. Еще одно новшество. Подумать не могла, что окажусь на пороге войны.

Врезаюсь в сотрудника полиции, и память услужливо обжигает воспоминанием об отце Тимурки. «Как поживаете, товарищ майор?» — так и подмывает спросить. Сердце реагирует на воспоминание глухой болью. Так ноют застарелые шрамы.

...Замуж я выскочила рано – в двадцать лет. Он был на пять лет старше.

У него одна любовница – работа. А я так, для уюта. Дома должна ждать. Я и ждала. Любила так, что готова была за ним хоть в огонь, хоть в воду. Влада невозможно не любить. Брутальный, суровый, а главное – меня на руках носил. Ну, как носил? В свободное от работы время. А работа у него на первом месте. Могут посреди ночи поднять, сорвать с мероприятия. Однажды праздновали день рождения моей мамы в ресторане, так его коллеги забрали прямо оттуда на служебной машине. А он в тот момент в микрофон поздравление от нашей семьи произносил. Мама тогда таким взглядом его провожала, что я была готова сквозь землю провалиться. В общем, статус у нашей пары обозначился с самого начала – «все сложно».

Мама, конечно, Влада невзлюбила. За мужскую харизму, за наглость и за его работу.

Очень уж маме хотелось, чтобы я вышла замуж за Илью Никитина, сына ее хороших друзей. Илья – музыкант, преподает в консерватории. Семья упакована со всех сторон. А я – за оперативника выскочила по большой любви вопреки всем ее наветам.

Мама масла в огонь подливала. Влад психовал. У нас с ним в тот период своего жилья не было, стройвариант взяли, ждали. Снимать стало дорого, вот мы и осели у мамы в двушке. Маме всего сорок два, ей личную жизнь хотелось, а тут мы на пмж попросились.

Я переводами на дому занималась, в школе иностранных языков преподавателем подрабатывала. Все свободные деньги мы с Владом откладывали, чтобы выкупить поскорее свою новостройку. Лучше бы мы квартиру снимали, честное слово! Ведь ужиться с мамой на одной территории оказалось практически невозможно.

Мне предложила контракт процветающая турецкая компания. Бизнес с Россией предполагал наличие профессионального переводчика, а я свободно владею турецким и английским языками.

А тут еще подруга моей мамы Александра улетела в Турцию. Открыла свое дело – ателье по пошиву женских платьев. До этого они с мамой возили шмотки из Турции, торговали на центральном рынке в вещевом секторе. И вдруг Александре подфартило вырваться из рутины и заняться настоящим производством. Да еще сама страна просто сказка – мягкий климат, море, любвеобильные мужчины. Мама завидовала ей жутко. У нее давняя мечта – выйти замуж за богатого турка. Сериалов турецких насмотрелась и все туда же, в турецкую мечту. Красивая она, моя мама. В сорок два – великолепно выглядела, хоть картины пиши. Знала себе цену. А

тут невзрачная Александра, которая ниже пятьдесят шестого размера вещи никогда не носила, выбилась в люди. Удар под дых, не иначе. Мама даже заболела на нервной почве, так ее задел успех подруги.

Ведь у нас, что? Пыль, грязь, суета. До ближайшего курорта ехать несколько часов.

Мама уговаривала меня лететь в Стамбул, и я решилась на переезд. С Владом отношения в тот период были натянуты до предела.

Не выдержал наш брак испытания реальностью. Семейная жизнь рухнула, не успев начаться.

В итоге – печать о разводе в паспорте и дикая обида друг на друга.

Когда улетали в Стамбул, я проревела весь перелет. Прорвало. Понимала, что Влад, даже если захочет, ко мне никогда не прилетит. Не выездной он.

Мама же торжествовала. Перед отъездом начистила перышки в салоне красоты, шампанского в самолете заказала.

«Что ты реवेशь, дура? — махала рукой у меня перед лицом. — На кой ляд он тебе сдался? Ты посмотри в окно, какой закат! За новую жизнь лучшие бокал поднимай! Мы тебе здесь шикарного мужа найдем! С твоим-то знанием языка, Марин, шейха, не меньше оторвем! И гарем его разгоним!»

«Шейхи в Дубае, мам»

«Так мы и туда слетаем. В отпуск. Главное – начать!» — не унималась она.

...Не вышло у меня новую жизнь начать. Когда мы обосновались в Стамбуле, я поняла, что беременна.

Глава 3. Марина

Новость о беременности стала шоком. Я просто за суетой, за разводом не заметила, что у меня задержка. Когда токсикоз волной пошел, осознала, что ребенок будет.

Ох, как мама меня костерила! Умоляла в клинику обратиться и от ребенка избавиться. А я вместо этого обратно в Россию собралась, к Владу. Рвалась к нему всем сердцем и душой. Тосковала дико. Хотела сказать, что беременна. Надеялась, что он после этого изменится. Ведь родительство меняет мужчин?

Мама тогда жила на широкую ногу. Ей безумно нравился Стамбул, она обожала Анкару. Она проматывала деньги, которые я зарабатывала, на салоны красоты и рестораны, и меняла турецких поклонников, как перчатки.

От поездки домой она меня отговорила. Припомнила все косяки бывшего зятя, его вечную загруженность, а главное – печать о разводе в паспорте.

«Мариночка, он тебе больше ничего не должен. Ребенок не его забота. Твоя! Если ты готова возиться с младенцем, флаг тебе в руки. Только здесь я помогу, а там никто не поможет», — пугала меня она.

На нервной почве я загремела в больницу. Чуть малыша не потеряла. Едва спасли. Хорошо, что у коллеги по работе оказался в телефонной книжке контакт знакомого гинеколога, иначе я бы ребенка не смогла выносить. Я потом уже узнала, что мама ему деньги пыталась всунуть, чтобы не спасли. Все болтала, что не нужен нам ребенок от русского офицера.

Но доктор оказался порядочный. Наотрез отказался от ее предложения. Помогли, выходили.

Мама получила независимое разрешение на работу в Турции, небольшая фабрика по пошиву женской одежды набирала обороты. Александра оказалась хорошей подругой, поддерживала меня в трудные минуты, ребеночку приданое собрала за свой счет, маму к себе на работу устроила, и я не решилась вернуться домой. Там уже ничего не осталось.

...Сын родился в срок. Крохотный, но упрямый, с глазами, как у Влада. Как я была счастлива! Назвала его Тимуром. Влад всегда хотел назвать сына именно так, и я исполнила его желание из прошлой жизни. Я бесконечно благодарила Бога за этот маленький комочек, частичку бывшего мужа. С рук не спускала свое крохотное сокровище, а по ночам рыдала в подушку от тоски по Владу.

Потом я изменилась. С появлением ребенка в моей жизни не осталось места глупой наивности. Я, как и мама, начала красить волосы в дорогой блонд, подобрала себе безупречный гардероб деловой леди, приобрела собственную машину.

Я воспитывала сына, а в свободное время вместо просмотра турецких сериалов зубрила пособия, чтобы повысить квалификацию и посещала спортзал, чтобы быть в форме.

Все премии тайком от мамы я откладывала на сберегательный счет. Все мечтала о своем жилье, отдельно от мамы и ее мужчин.

А потом грянула катастрофа. В начале этого года моя фирма отказалась от работы с Россией. Никуда не деться – мир меняется. Санкции, запреты. От моих услуг отказались.

Мы еще несколько месяцев пытались выплыть, ведь мама по-прежнему работала на фабрике. Она все больше злилась – жить на широкую ногу, как раньше, уже не получалось. Ведь мне отказывали работодатели, а без моей поддержки ее зарплата на фабрике – капля в море. Состоятельные турки ее возраста были, конечно, любвеобильны, но они всегда оказывались женаты. А последний поклонник – Кемаль Челик, к которому мама прикипела всей душой, выбрал не маму, а ее подругу Александру. Турецкая мечта о счастье разбилась о жестокую реальность.

Мама начала сходить с ума. Ей мерещилось, что ее повсюду обманывают. Она кидалась на меня, постоянно отчитывала Тимурку, а вишенкой на торте стала ее жуткая ссора с Александрой.

Мне было предельно ясно, что надо возвращаться в Россию. Там хотя бы есть, где жить. Счастье, что мама не догадалась продать свою двушку. За квартирой в наше отсутствие присматривала бабушка. В прошлом инспектор по делам несовершеннолетних и мастер спорта по тхэквондо – бабушка была единственной, кто мог держать маму в узде.

Мама упрямилась. Не хотела возвращаться. А потом что-то произошло на фабрике. Уж не знаю точно, что стряслось, но вернулась мама домой посреди рабочего дня. Бледная, как полотно. Руки дрожали. Она начала кричать, что нам немедленно надо уезжать обратно в Россию. Заставила собирать вещи, и даже сама нашла билеты на ближайший рейс. Я не стала уточнять, что случилось. На самом деле я уже давно была готова вернуться, и использовала ее истерику, как повод.

И вот мы здесь, семь лет спустя.

...Мысли проносятся в голове безумным вихрем, а я понуро тащу тележку с нашими неподъемными чемоданами сквозь толпу. Как много людей на вокзале! От этого я тоже успела отвыкнуть. На миг замираю. Мне кажется, или мелькнуло знакомое лицо?.. Андрей Пичугин, сослуживец моего бывшего мужа. Только почему-то в штатском. Может, не он? Или он?

Скользнув по мне острым взглядом, мужчина растворяется в толпе.

«Не он», — пытаюсь успокоить себя. — «Воображение разыгралось, вот и все. Просто домой вернулись, вот я и ищу знакомые лица в толпе».

Тимурка, завидев меня, несется со всех ног навстречу, помочь.

— Мама! Ну, что ты сама и сама? Давай, я? — пытается оттеснить меня от тележки. И смотрит так проникновенно, что за душу берет.

«Точно Влад», — мелькает болезненное. Тимурка от Влада все взял по максимуму. Отцовские гены оказались сильнее моих.

Я вздыхаю. Улыбаюсь.

— Давай, помогай, — киваю согласно.

Мама кривится в сторону полицейских.

— Шагу ступить не дадут, — шипит недовольно.

— Мам, пойдем уже. Такси поймает, — обрываю ее я. — Хочется душ принять, да поскорее переодеться.

— Пойдем, конечно. Думаешь, тебя одну доканала дорога? — брюзжит она и начинает расчищать нам путь локтями. — Посторонись! Посторонись, я сказала!

Я на миг прикрываю глаза. За семь лет мама мне всю душу выела. Сил никаких нет мириться с ее капризами. Она проматывала мои деньги, жила в свое удовольствие за мой счет, а взамен даже не рвалась помочь с сыном. Почему-то Тимурку, как и его отца, она считает человеком второго сорта. Мне никогда не понять ее отношения.

Наконец мы оказываемся у выхода. Я отказываюсь от предложений местных ушлых умельцев довезти за бешеную стоимость и заказываю такси через интернет.

Через пятнадцать минут наши чемоданы утрамбованы в багажник. Я оглядываюсь еще раз на стеклянные двери вокзала в надежде увидеть...кого я хочу увидеть?

Понимаю - я Влад глазами ищу! Так хочу его увидеть, что дышать трудно.

Мое израненное долгой разлукой сердце трепещет в никчемной надежде на встречу.

Какая глупость... Стер он меня уже давно из своей памяти и из записной книжки. Между нами пропасть длинной в семь лет. Мне до него не достучаться. Такие, как Влад Каверин, долго без женского внимания не остаются. Холостой, шикарный мужик с двушкой в новостройке. Еще и в погонах. Такой точно не залежится.

Больно. Как же мне больно... На миг обхватываю плечи руками. Невыносимо осознавать, что в двухкомнатной квартире, которую мы вместе для нас выбирали, уже несколько лет, скорее всего, трется другая. Может, детей завели. А у нас сын... Сын, о котором Влад ничего не знает.

Прикрываю рот ладонью, отчаянно моргаю, чтобы прогнать слезы. Не думала я, что возвращение на родину отзовется такой болезненной реакцией в сердце.

«Ты одна, Марина. Влад тебе давно ничего не должен, вы в разводе», — пытаюсь привести себя в чувство.

— Марина, ты садишься, или мы без тебя поедem? — брюзжит мама с переднего сиденья, возвращая меня с небес на землю.

— Сажусь, конечно.

Страхнув наваждение, я ныряю к Тимурке на заднее сиденье. Обнимаю его за маленькие плечики крепко-крепко. Он улыбается, жметсЯ ко мне в ответ, и на миг становится легче. Я смогу. Я все смогу. Пока есть этот малыш с глазами, как Влада, мне есть, ради чего жить.

Глава 4. Влад

Я сажусь за руль своего черного внедорожника. Зло завожу мотор. Грудь жжет такая ярость, что нечем дышать. Не выдерживаю, открываю окно. Расстегиваю верхнюю пуговицу черной рубашки. Сегодня мы в штатском – чтобы не мелькать.

За окном приятный, почти осенний вечер. В этом году рано похолодало. Вроде конец августа, а погода, как в конце сентября. Прохладно на улице, особенно по вечерам.

Шумно втягиваю грудью воздух.

«Молодец, Марина. Хорошая девочка, прилежная. Всегда слушала маму, да так заслушалась, что о сыне мне забыла сказать» – мелькает в голове горькая мысль, и я провожу по лицу крепкой ладонью.

В телефон прилетает сообщение от штатного психолога Ниночки Беспаловой:

«Влад Матвеевич, у вас сегодня на 18 часов назначен прием. Забыли, да?»

Морщусь. С недавних пор в отделе новая мода – приказ начальства посещать психолога. Гоняют весь личный состав на прием, стресс снимать после работы. А психолог – девица на выданье: тонкая, звонкая, коса до пояса. С такой на свидание идти – самое то, а вот как профессионала ее сложно принять.

Какой профессионал из девушки, которая диплом психолога в прошлом году получила? Мы с мужиками в отделе ее даже по имени-отчеству звать не решаемся, кличем между собой «Ниночкой».

Лучше бы к стоматологу записали бесплатно, честное слово.

Смотрю на время – уже начало седьмого. Чертыхаюсь.

«Нина Дмитриевна, давайте перенесем? — пишу с мольбой. — Ну, сил нет. Загоняли нас сегодня по полной. Клиент психолога из меня совсем никакой».

«А я... ждала вас сегодня, Влад Матвеевич», — летит робкое.

Я замираю. Моргаю. Нет, я, конечно, мужик видный, в почете у начальства, сразить могу наповал, но, чтобы милая Ниночка от меня голову потеряла? Это уже перебор.

Даже не знаю, что в ответ написать. Не решаюсь.

«Ладно, переносу на завтра, на вечер», — летит понимающий ответ, и я выдыхаю. — «И... знаете, что, Влад? Отдохните как следует. Если не отдыхать после нагрузок, можно запросто сгореть».

«Слушаюсь, товарищ младший лейтенант», — пишу ответ и приправляю его веселыми смайликами.

А потом просто сижу в машине, откинувшись назад в кресле, и тупо созерцаю пейзаж перед собой.

На одном из приемов Ниночка сказала, что таким, как я, сложно в реальном мире. Однолюбы, как правило, если теряют пару, остаются одиночками. Посоветовала мне почаще выбираться куда-нибудь с друзьями, отвлекаться от работы. Да вот только у меня – какая работа, такие и друзья. С ними особо не отвлечешься. Разве что в ночной клуб завалиться или морду кому набить.

В голове все крутятся слова Андрюхи Пичугина:

«Теща твоя не без удовольствия добавила, что тебе умышленно о мальчишке не сообщили. Ты бы не потянул о ребенке заботиться. Прилететь бы не смог, а доченька ее ненаглядная связана контрактом, вернуться не сможет».

Итак, что мы имеем? Первое: у меня, оказывается, уже несколько лет есть сын, а узнал я о нем исключительно благодаря сегодняшнему променаду по вокзалам. Второе: Марина вернулась в город. Интересно, почему? Не ко двору пришлась в своем Стамбуле?

Меня вдруг охватывает внезапный порыв увидеться с бывшей женой.

И да, я помню, где живет моя обожаемая теща. Адрес, по которому разбилась моя семья, невозможно забыть.

Пора навестить любимую бывшую. Пусть в глаза мне посмотрит и скажет, как так вышло, что меня со счетов списали? У меня, между прочим, награды за выдающиеся заслуги в обеспечении законности и правопорядка имеются. Хороший пример для сына.

Вся моя жизнь заключается в борьбе с преступностью. К тридцати двум годам я привык брать ответственность на себя. Уверенно иду напролом, помогая отделу держать показатели на высоте. Ни одно важное уголовное дело не проскальзывает мимо меня. Мне доверяют. Начальство возлагает на меня свои несбыточные надежды. Наивные.

А жена бывшая, получается, списала со счетов...

«Твою мать, ну как же так?!»

Поворачиваю ключ в зажигании и жму на газ.

Машина срывается с места и несется по почти пустому проспекту с недопустимой скоростью.

Слышу свисток сотрудника ДПС.

Да что ж такое, а?

— Здравия желаю, — широко улыбается мне инспектор. — Нарушаем? Морщусь. Новенький, что ли? Сую ему ксиву под нос.

Он пристально всматривается. Понимающе скалится.

— Майор Каверин? Будьте внимательнее на дорогах, — с уважением отдает честь и понимающе отходит в сторону.

«Так-то, салага», — произношу мысленно.

Но скорость приходится сбросить. Встряв в пробку, я начинаю размышлять. Ну, приду я вот так: здрасьте, с приездом, расскажите про сына. А мы ведь разведены с Мариной. Я — бывший муж. Ни на что прав не имею. Еще теща бывшая, уверен, со скалкой из-за двери выпрыгнет. Она в последний раз в меня головкой чеснока кидалась, с воплями: «Изыди, нечистая сила, из моего дома».

Вздыхаю. Вот бывают тещи, которые после сорока обабятся, дома с внуками осядут, располнеют. Пироги пекут, жизни радуются. В общем, тещи как тещи. А эта же... как стрекоза, честное слово! Все прихорашивается, худеет и личную жизнь строит.

Да, не вариант открытой войной на них идти.

Надо как-то из-за печки...

Глава 5. Влад

Принимаю решение поступить цивилизованно.

Притормаживаю у торгового центра. Оставляю машину на парковке. Иду в отдел «Продукты». Не глядя, сгребаю с полки первый попавшийся торт. Не с пустыми руками же идти, в самом деле?

Девушка на кассе мне улыбается. Глазками стреляет.

— Мужчина, купите розы? — предлагает. Сует розы в цветочном горшке, только они не первой свежести. Судя по каменному грунту, поливали их месяц назад. Да и привяли так, что уже никакой полив их не спасет. Лепестки частично опали, пошли желтыми пятнами.

А я вдруг думаю, что для тещи пойдут. Теща такие точно заслужила. Потому что нечего было в меня семь лет назад чесноком кидаться.

— А давайте, — киваю согласно.

Девушка-кассир изумленно на меня таращится.

— Мужчина, вы что? Не надо, я пошутила...

— Надо, надо. Мне для дела, — успокаиваю ее.

Кассирша, что постарше, примерно возраста моей тещи, с интересом вытягивает шею. Упирает руки в пышные бока.

— Колдуете, мужчина? — бьет вопросом на повал. — Черной магией увлекаетесь?

«А ты, тетя, битвы экстрасенсов насмотрелась, как я посмотрю?» - парирую мысленно.

— Ага, — киваю серьезно. — Снадобья всякие готовлю. На «Авито» потом продаю. Хорошо идут, между прочим. От порчи, от сглаза, для приворота. Могу телефончик оставить, если товар заинтересует.

— Ну я вас, нечисть, сразу чую. И по взгляду отличить могу, — не спускает с меня сурового взора пышка. — А тебя подметила, как только ты в наш отдел вошел.

Я фыркаю. Сверкаю в ее сторону пронзительным взглядом, и она отшатывается.

Плачу картой, забираю покупки. Только бы не засмеяться.

Выхожу из супермаркета походкой завоевателя. Прижимаю усохшую розу в горшке к мощной груди и думаю, что надо было вместо розы купить самый большой и колючий кактус.

Закидываю горе-цветок в горшке вместе с тортом на заднее сиденье, усаживаюсь за руль. А у самого на душе кошки скребут.

Достаю бумажник. Там, на дне, обратной стороной лежит маленькая фотография три на четыре.

Марина фотографировалась на паспорт, когда фамилию меняла на мою. Она все злилась, что на мышку похожа на фотографии, выбросить хотела. А я тайком от нее забрал фото и спрятал в бумажник.

Подписал карандашом: «Мой мышонок». Она на Гаечку из мультика «Чип и Дейл спешат на помощь» чем-то похожа, вот я ее так и звал — «мой мышонок».

После развода я запретил себе смотреть на ее фото. Хотел сжечь, но рука не поднялась. Просто перевернул обратной стороной и спрятал на дно бумажника. Туда, где не видно.

Открываю бумажник, нащупываю фото. Чувствую, как дрожит рука.

Переворачиваю. Сердце больно сжимается.

Марина смотрит на меня с фотографии с укоризной. Длинные русые волосы собраны в высокий хвост, аккуратные уши, носик, глазищи выразительные, серые. Точно Гаечка.

— За что же ты, мышонок, так жестоко со мной, а? — бурчу потерянно. Провожу указательным пальцем по ее волосам, которых так любил касаться.

Прячу фотографию обратно. Только почему-то на этот раз не могу позволить себе перевернуть ее тыльной стороной. Просто загоняю поглубже в пластик и закрываю бумажник.

Вздыхаю. Что ж, пора наведаться в место, где разбилась моя семейная жизнь.

Поворачиваю ключ в зажигании, и машина срывается с места. Вливается в поток таких же автомобилей, а у меня перед глазами тот день, когда мы с Мариной получили развод. И почему-то такое чувство, что мы не разведены до сих пор. На бумаге печать, а в душе чувства, которые так и не угасли. Все эти годы они тлели, а сейчас как будто кто-то подкинул свежих дров в этот уже почти осенний костер...

Глава 6. Марина

Бабушка встречает нас с истинным гостеприимством. Она рада нас видеть. В отличие от моей мамы, у нее есть сердце, и правнука она принимает, как самого родного человека.

— Ты смотри, да это ж Влада сын! — раскрывает свои теплые объятия Тимурке. — Иди сюда, мой хороший, познакомимся. Я твоя прабабушка, Зоя Викторовна.

— Чего ты радуешься? Отродье ментовское, — фыркает мама.

— Мама! — обрываю ее грозно. Сжимаю кулаки. Убить готова, честное слово, за такие слова.

— Что мама? Что? Кто виноват, что ты с ментом связалась? Я? Нееет, милая, не я. Ты и виновата. Ты! Если бы не связалась, нашла бы мужа себе в Стамбуле, и жили бы припеваючи! Но нет. Мы ребеночка вместо этого родили. И от кого? От этого...

Мое сердце больно сжимается.

— Заткнись, слышишь?! — рвется из груди вскрик. — Каким бы он ни был, я его любила!

С маминых губ срывается презрительный смех.

— Да что там любить можно было?! Мент он и есть мент!

— Валя! — грубо обрывает маму бабушка. — Ты очумела, что ли? Такую ересь при ребенке несешь?

Мама затыкается. Бабушка у нас кремень. До сих пор как кулаком по столу стукнет, так мама сразу в кусты.

— А ну, иди сюда, мой мальчик, у меня для тебя сюрприз есть, — бабушка подзывает к себе правнука. Хватает Тимурку морщинистой рукой за локоть и увлекает за собой в спальню.

Мам привычно проходит на небольшую кухню и включает чайник.

— Дом, милый дом! — произносит с сарказмом. Закатывает глаза к потолку, по которому расплываются коричневые разводы от того, что когда-то кухню затопили соседи. Побелить потолок так и не успели.

Я приказываю себе молчать, чтобы не разжигать конфликт. Знаю, отчего она злится. Поклонник, которого она завела назло Кемалю Челику не предложил ей свое крепкое турецкое плечо. Просто помахал ручкой, назвав на прощание «Наташей». Для мамы это самое большое оскорбление. Все равно, что дамой легкого поведения назвали.

Мама еще не знает, что по дороге сюда я приняла твердое решение разъехаться. Как только выйду на работу, быстро подберу маленькую съемную студию. Хватит из меня жилы тянуть.

«Только бы повезло с работой», — молю провидение мысленно, а сама перебираю в голове контакты из прошлого. Была у меня здесь подруга Лида Терентьева, тоже переводчик. Работали вместе, преподавали в школе иностранных языков в далеком прошлом. Телефон ее у меня остался. Может, подскажет что? В сердце немедленно вспыхивает надежда. Если не поможет, то хотя бы направит в нужное русло. Я ведь семь лет спустя, как слепой без поводья.

Я затаскиваю чемоданы в гостиную, достаю полотенца и халат. Хочется душ принять с дороги.

Опережаю маму, закрываюсь в ванной, пока она причитает на кухне рядом с чайником.

Включаю старенький душ и ныряю под него с головой. Хочу смыть с себя все. Тоску смыть хочу. Сначала бы все начать.

«Вот бы Лида Терентьева меня не забыла», — вздыхаю с надеждой.

После ванной комнаты, замотав мокрые волосы в полотенце, выбираюсь с мобильником на застекленный балкон. Когда-то здесь была зона лаундж, но за семь лет все пришло в упадок. Бабушка сюда натащила ненужные вещи, теперь не развернуться — сплошной хлам до потолка.

Набираю Лиду Терентьеву с надеждой в сердце.

— Лид, привет. Это Марина Каверина. Помнишь меня?

— Марина? Божечки... конечно, помню! Вот это сюрприз! Ты что, вернулась?

— Вернулась, ага.

— И как там, в Турции? Мужа богатого нашла?
— Какого там мужа, Лид... — отмахиваюсь беспечно. — Работу ищу. Не подскажешь, куда обратиться можно? Столько лет прошло, я совершенно дезориентирована.

— Слушай, ну, ты как чувствуешь! Мне как раз тут вакансию подогнали – требуется переводчик турецкого в одну фирму.

— А занимаются чем?

— Шмотками брендовыми занимаются. Ну, турецкими. А язык совсем не знают. Владеет фирмой богатый турок, денег куры не клюют. Только он бабник. Пятьдесят с хвостиком, а не одну юбку мимо не пропустит, хоть и женат. Так что ухо остро надо держать.

Я улыбаюсь.

— Лид, меня турками не напугать. Пуганая я, семь лет с ними бок о бок прожила.

— Слушай, ну отлично. Если хочешь, могу вакансию тебе подогнать. А вообще, что мы с тобой по телефону такие проблемы обсуждаем? Давай встретимся, и я тебе все расскажу?

— Давай.

— Приезжай через час? Я тебе адрес нашего офиса дам. Сможешь?

Я стягиваю с волос полотенце.

— Да, да, конечно, смогу. Сейчас такси вызову, и буду у тебя. Скидывай адрес.

— Тогда до встречи?

— До встречи.

Я, как ненормальная, врываюсь в гостиную. Судорожно выдергиваю фен из чемодана, расческу для укладки и несусь в ванную комнату.

Собираюсь за пятнадцать минут. Румяна, блеск, немного туши...

— Марин, а ты куда? — изумленно смотрит на меня мама.

— На встречу с подругой. Вроде у нее горящая вакансия есть, — сообщаю вскользь. — Тимура покормите, ладно? Я буду через пару часов.

Возмущение на лице у мамы не передать словами.

— А сама покормить его не хочешь?

«Все, съезжаю, однозначно», — произношу, как мантру. Если с Лидой дело выгорит, пушу часть сбережений, о которых маме неизвестно, на съемную квартиру.

Кидаюсь на кухню, распаиваю холодильник.

— Иди, Мариночка, — слышу голос бабушки. — Я лапшу куриную сварила с утра. Ждала вас. Покормлю твоего богатыря, не переживай.

Оборачиваюсь. Бабушка с Тимуркой сидят за столом. Бабушка улыбается.

— Ой, шибко он на отца похож, — произносит с каким-то особым трепетом. Гладит Тимура по голове. А тот распаковал бабушкин сюрприз – пакет с шоколадными конфетами, и рад их все умять.

— Спасибо, бабуль, — чмокаю ее на бегу в щеку и уже на ходу вызываю такси.

Глава 7. Влад

Я пересекаю небольшой мост и сворачиваю в микрорайон «Западный». Миную перекресток и оказываюсь во дворе, который образуют четыре девятиэтажки. В одной из них мы с Мариной имели неосторожность поселиться во имя экономии денежных средств, и совершили свою самую главную ошибку всех молодоженов.

«Здравствуй дом мой, вот и я», — хмуро посматривая на обшарпанные и изрисованные граффити стены, произношу про себя слова песни.

В сердце бушует ураган из эмоций. Нахожу место для парковки, ставлю машину и выбираюсь на тротуар. Про розу и торт не забываю. Я же не совсем сухарь? Как воин перед сражением, расправляю мощные плечи и уверенно делаю шаг навстречу своему прошлому.

Возле подъезда материализуется какая-то женщина с сумками, и я ныряю в подъездную дверь за ней следом.

На лифте поднимаемся вместе.

— Мужчина, вам кто эту розу всучил? — с сочувствием посматривает на меня попутчица.

Я хмурюсь: «Вас забыли спросить».

— Вы если в гости едете, то лучше выбросьте розу, обидится именинник, — посматривая на торт, советует она.

Впиваюсь в нее взглядом.

— Именинник заслужил, — сообщаю уверенно. И почему лифт так медленно едет?

На мое счастье, лифт наконец доезжает до седьмого этажа и распахивает двери.

Я вываливаюсь на лестничную клетку. Вот и знакомая дверь. Уверенно жму на дверной звонок, и он срабатывает.

Надо же, мама Валя так и не успела подключить домофон? Хотя, к чему ей домофон, когда она в другой стране семь лет прохлаждалась?

Стою, вальяжно опираясь плечом на дверной косяк. Глазок закрываю пальцем.

«Ну, давай, Мариночка, открывай уже!» - приговариваю про себя.

Дверь широко распахивается, и я впадаю в ступор, потому что вместо Марины на пороге стоит мальчишка.

— Дядя, а вы к кому? — смотрит на меня озадаченно. Нетерпеливо переминается босыми ступнями.

А у меня дыхание сбивается. Впиваюсь жадным взглядом в мальчугана и стою, как вкопанный. Синяя футболка с пятнами от гуаши, шорты, которые сделали, обрезав джинсы, и забыли подшить края.

Это же он, да? Сын? А, может, Андрей Пичугин ошибся? И не мой сын вовсе? Может, теща родила от какого-нибудь турецкого воздыхателя?

Маленький, щуплый. Не думал, что в шесть лет дети такие маленькие. Мне казалось, они покрупнее. Жду, когда отзовется в сердце боль, как в красивом кино. Но боли нет.

Мысли скачут в голове безумным вихрем. Какой же я идиот! Про ребенка не подумал... Не купил ему ничего.

— Тимур, кто там? — слышу знакомый голос тещи из кухни и мгновенно прихожу в себя.

«Тимур, значит?»

Я так всегда сына хотел назвать. Марина знала об этом. Значит, мой.

— Дядя какой-то, — отступая в прихожую, осторожно сообщает мальчик. Смотрит на меня изучающе, мрачным взглядом. Таким, что мурашки по коже.

— Из полиции, — подсказываю ему шепотом.

Он пугается.

— Из полиции, баба Валя! — оповещает громко. — К тебе, наверное! Ты опять в миграционную службу забыла сходить?

И бежит со всех ног в гостиную, оставив дверь открытой настежь.

Ну, а я не гордый. Спокойно захожу в прихожую. Почти, как к себе домой. А что? Когда-то это и мой дом был.

— Я тебя сколько раз просила меня так не называть, а?

— Баба Валя! Баба Валя! — дразнится из гостиной мальчик, чем вызывает у меня невольную улыбку.

— Гадкий мальчишка! — шипит теща, а сама мгновенно показывается из кухни. Стройная, как и семь лет назад, в белоснежном шелковом халатике с глубоким вырезом. Халатик на вороте и рукавах оторочен черным кружевом. Королева, мать ее. Нет, не меняется Валентина Аркадьевна.

Видит меня и бледнеет.

«Узнала, стерва?» — ухмыляюсь про себя.

— Баба Валя, какая встреча! — произношу с язвительной ухмылкой. Протягиваю ей увядшую розу. — С приездом, баба Валя! Вот, цветочек прикупил тебе под статью. Не первой свежести. Ты как? С дедом, или одна вернулась?

И улыбаюсь самой широкой улыбкой из всех возможных.

А теща моя, как была стервозой, так и осталась. Сатанеет. Чую, еще миг, и кинется на меня с кулаками.

— Ты что в моей квартире забыл, Влад? — произносит холодно, точно снежная королева. Розу в горшке игнорирует, но чую, что задел ее за живое таким гадким подарком.

— Так с приездом поздравить заскочил. С возвращением на родину.

А сам прислушиваюсь. Жду, когда Марина появится. Но ее почему-то не видно.

— Поздравил? Можешь идти.

Она пытается вытолкать меня за порог и захлопнуть дверь.

— Марину позови, — перебиваю ее резко. Дверь закрыть не даю, перехватываю ее крепкой рукой.

— Нет ее. Уехала, — продолжает выталкивать меня бывшая теща.

Досада колет в сердце. Ловлю себя на мысли, что больше всего рвался сюда из-за бывшей жены. Увидеть хотел.

— Куда уехала? — хмурюсь.

— Тебе какое дело? Ты ей уже давно не муж!

— Что ж, значит, я ее здесь подожду. Вернется же она рано или поздно? А мы пока чай с тортиком попьем.

Теща пытается встать у меня на пути, но это все равно, что пехотой на танк идти. Я уверенно прохожу на кухню, минуя ее бессмысленные потуги вытолкать меня за дверь.

Ставлю торт на стол, рядом увядшую розу.

На кухне сразу становится тесно.

Все здесь, как и прежде, даже потеки на потолке. Помню, мы с Мариной белую краску купили, только побелить не успели. Взгляд падает на окно. Да, так и стоит банка под окном на полу.

Сдерживаю вздох. Как будто и не было этих семи лет. Как будто домой вернулся. Родное здесь все по-прежнему.

На кухню, точно фурия, врывается теща.

— Влад, уходи! Или я полицию вызову, клянусь!

— Так я и есть полиция, — достаю из кармана ксиву, показываю. — Заявление будете писать, гражданочка?

В дверях появляется Зоя Викторовна.

— Что за шум, а драки нет? — произносит громко. Взгляд падает на меня, потом на торт и розу. — Влад? Не уж то ты?

Ее лицо освещает улыбка. Зоя Викторовна – наш человек. Уважаю.

— А вы здесь какими судьбами, Зоя Викторовна? — спрашиваю удивленно.

Она разводит руками.

— Да куда ж мне деться? Мою однушку продали еще семь лет назад, в помощь турецким иммигрантам, будь они неладны, — она бросает недовольный взгляд в сторону дочери. Гладит меня по руке. — Да ты садись, не стой! Сейчас чай с тортом пить будем. Валя! Ты что стоишь, как столб? Давай, накрывай на стол. Гости у нас, разве не видишь?

Валентина Аркадьевна на миг торопится. Видимо, самоуправство родной матери сбивает ее с толку.

— Я бы таких гостей на порог не пустила, — бурчит зло и скрывается в гостиной.

Зоя Викторовна смотрит на розу.

— Ой, бедный цветочек. Сколько же его не поливали?

Подхватывает горшок и ставит под воду в мойку.

А мне теперь совестно. Знал бы, что Зоя Викторовна здесь, ни за что бы это убожество не притащил в квартиру. Кто ж знал, что ее жилья лишили?

— Зоя Викторовна, так вы что, квартиру свою продали? — уточняю изумленно.

Она ставит чайник, вздыхает.

— Ой, Владушка, не спрашивай. Думала, помогу там, в Стамбуле, девочкам на ноги встать, жилье свое купить. Да только все по ветру... Не в меня Валя пошла. Профукала все деньги, что я ей выслала с продажи, как и не было квартиры.

Я хмурюсь.

— Ни квартиры, ни жилья в Стамбуле, получается?

— Так и получается. Вот, здесь теперь живу. Все, что осталось от моей квартиры – на балкон свезла.

Зоя Викторовна горько вздыхает. Ставит передо мной чашку. Садится рядом.

— Ну, а ты, чего пожаловал? — улыбается мягко.

Я прячу взгляд.

— Марину хотел увидеть.

Зоя Викторовна понимающе кивает.

— Уехала она. Сорвалась в один миг. У подруги ее, Лиды, вакансия вроде есть. Вот она и помчалась мосты наводить. Жить то на что-то надо. Уволили ее там, в Стамбуле, сразу после Нового Года, в январе. Она все пыталась другое место найти, да только мир меняется. Сам понимаешь, русским сейчас за границей сложно. Приехали они сюда без копейки. На последние сбережения билеты купили.

Я горько ухмыляюсь.

— А что ж она себе мужа там не присмотрела? Неужели на работе у нее не нашлось благородного рыцаря?

Зоя Викторовна вздыхает.

— Не нашлось, Влад. Не до мужчин ей там было.

Я откидываюсь назад, к стене. Усмехаюсь колко.

— Удивительно. С такой-то матерью...

— Ничего удивительного, — Зоя Викторовна строго посматривает на меня. Наливает мне в чашку чай из заварного чайника, разрисованного по бокам клубникой с зелеными листьями. В прошлом мы тоже из него чай пили. Надо же, не разбили.

— Ох, Влад, не надо бы мне тебе об этом говорить, но молчать уж куда. Беременной она улетела в Турцию. Не знала, что дитя под сердцем носит. А когда узнала о ребенке, поздно было что-то менять. Сын у тебя родился.

Я замираю.

— Сын? — переспрашиваю хрипло.

Она улыбается, кивает.

— Тимур! — зовет в пустоту прихожей. — Тимурка, иди чай с тортом пить!

Глава 8. Влад

Я замираю. Сажусь на кухонной табуретке, дышать боюсь. Странная реакция для мужика, чья жизнь тесно связана с оперативной работой. Почему-то, когда в дверях с мальчиком столкнулся, никакой реакции не было, а сейчас - с лихвой.

В ушах звучит топот детских ног. Спустя миг на кухню заходит тот самый мальчик, что открыл мне дверь. Синяя футболка в пятнах гуаши, которая еще не успела высохнуть, пальцы в гуаши – красные и зеленые потеки намекают на то, что ребенок был занят рисованием.

— Тимурка, знакомься. Это твой папа, Влад, — торжественно сообщает Зоя Викторовна.

Мальчик замирает. Смотрит на меня во все глаза. А у меня в голове шумит. Есть только осознание – мой он. Мой, и все тут.

— Папа? — уточняет недоверчиво. — А раньше он где был?

Я нервно сглатываю. Вопрос правомерный. Сумбурное знакомство получается. Пришел к сыну в первый раз и даже игрушки не принес, а надо объяснить, где я все эти годы пропадал. Да так, чтобы не задеть никого.

— Так папа у тебя в полиции работает, — быстро спасает ситуацию Зоя Викторовна. — Полицейским нельзя в другую страну летать. А теперь вы с мамой дома, вот он и приехал с тобой знакомиться.

Сын мой хмурится. Сжимает маленькие кулачки.

— А если папа полицейский, то почему он маму в другую страну одну отпустил? — спрашивает строго.

Я смотрю ему в глаза. Тушуюсь. Я в жизни с детьми близко не общался, не знал, что они умеют правильные вопросы в лоб задавать, вводить в ступор.

— Так... она у меня разрешения не спрашивала, — поясняю растерянно.

— Так и знал, что это баба Валя ей мозги запудрила, — вздыхает сын.

Зоя Викторовна отодвигает табуретку.

— Садись, Тимурка. Я сейчас торт разрежу.

Суетится. Звенят столовые приборы в верхнем ящике тумбы в рабочей зоне. Быстро режется торт. Разливается чай в чашки.

Тимурка забирается на табуретку и впиивается в меня взглядом. Смотрим друг на друга неотрывно. Глаз не спускаем. Изучаем. Он – недоверчиво, хмурия брови. Я – слегка растерянно. Не приходилось мне еще ни разу на допрос к собственному ребенку попасть. Опыт у меня первый, и весьма он выходит комом.

— А баба Валя меня ментовским отродьем называет, потому что ты мент? — бьет наповал очередным вопросом сынок.

Я моргаю. «Вот сука», — мелькает злое.

— И часто баба Валя тебя так называет? — уточняю осторожно.

Тимурка пожимает плечами.

— Часто, — кивает согласно. — Так ты мент?

Зоя Викторовна замирает с ножом у торта. На этот раз и у нее аргументы закончились.

Я шумно выдыхаю.

Лезу в карман, достаю ксиву. Протягиваю.

— Читать умеешь? — уточняю у сына.

Он кивает.

— Мама со мной занималась, — произносит гордо.

Тянет по слогам:

— М-В-Д Рос-си-и.

Трогает пальчиком красную печать с гербом.

— Ух, ты. Красивая, — губы мальчишки против воли растягиваются в восхищенную улыбку.

Я украдкой посматриваю на него. В сердце что-то больно колет: мой ребенок.

— А ко мне хочешь переехать? — спрашиваю внезапно. Даже сам себя пугаюсь.

— С мамой? — уточняет пацан. И смотрит на меня проникновенно, так, что за душу хватает.

Я коротко киваю.

— С мамой.

И удивляюсь. До чего все, оказывается, просто, на поверхности.

— А квартира у тебя есть? — не унимается сын. Вот любопытный.

— Конечно, — я выхватываю у Зои Викторовны тарелку с куском торта. Ставлю перед сыном. — Мы с твоей мамой ее купили еще до твоего рождения. Потом мама уехала в Турцию, тебя в животике увезла, а я так и живу в той квартире. Так что, можно сказать, это и твой дом тоже. Ремонта, там, правда, нет, но мы его быстро сделаем.

Мысленно морщусь. Там не просто ремонта нет. Там вместо стен — бетон до сих пор. Я все, что успел за эти годы — полы положить и сантехнику установить в ванной комнате. Остальное — по барабану. Мне одному что надо? Переночевать мне надо, и чтобы в холодильнике продукты и напитки были. Начинаю лихорадочно соображать, где взять подрядчика, чтобы быстро ремонт сделал в квартире. Надо Андрюху дернуть, может, у него кто есть?

В кухонном проеме появляется Валентина. Слышит, значит, о чем я сыну втираю? Делает вид, что до нас ей никакого интереса нет, а сама подслушивает?

— Ты что ребенку лапшу на уши вешаешь, а? — смотрит на меня грозно. — Никуда он не переедет! Ты сначала докажи, что сын твой!

— Валя, ты что? — всплескивает руками Зоя Викторовна. — Зачем ты так? Ясно же, чей это ребенок.

— Ничего не знаю! Матерям-одиночкам хорошее пособие дают. Нам на что-то жить надо.

— Причем здесь пособие? Мы сейчас о семье говорим! Мальчику отец нужен.

— А жить на что мы будем? А? На твою пенсию? Я на работу выходить пока не планирую. Мне к морю надо, нервы подлечить. А потом уже начинать работу искать. Пособие нам сейчас просто необходимо! Завтра же Марину отправлю в МФЦ, документы оформлять.

Я мрачнею. Поднимаю на тещу тяжелый взгляд.

— Валентина Аркадьевна, я бы на вашем месте был поосторожнее, — чеканю сурово. — Еще раз ребенка ментовским отродьем назовете, в обезьянник упеку за оскорбление сотрудника полиции. Отправитесь на исправительные работы.

Теща закатывает глаза.

— Напугал ежа голой задницей!

— А я пугать не стану. Я человек дела. Здесь вам не Стамбул, любвеобильных турков нет. Дифирамбы вам петь в моем отделении не будут.

Теща сощуривает глазаю

— Это мы еще посмотрим. Я тебя без управы не оставлю! Завтра же к твоему начальнику наведу, заявление напишу. А сейчас давай на выход, Каверин! Засиделся уже у нас.

Я резко поднимаюсь из-за стола. Хватаю Валентину за руку, притягиваю к себе. Достала, честное слово!

— Марине передайте, что я хочу с ней серьезно поговорить, — выдыхаю грозно. — Чем скорее, тем лучше. А если сын еще раз скажет, что его здесь обзывают, мало вам не покажется.

Поворачиваюсь к Зое Викторовне.

— До свидания, Зоя Викторовна. Был рад с вами увидеться.

Та понимающе кивает. Улыбается мне украдкой.

Смотрю на сына.

— Тимур, я к тебе завтра вечером зайду. Хочешь, погулять сходим? В пиццерию заглянем? Ты пиццу любишь?

Сын кивает.

— Люблю. С пеперони.

— Вот и чудненько. Значит, заматано? В шесть часов вечера буду у тебя. Дай пять?

Тимур улыбается. Ловко бьет перепачканной в гуашь ладошкой по моей руке. Его рука кажется крошечной на фоне моей, и от этого почему-то свербит в носу.

Перевожу взгляд на тещу.

— А вас, баба Валя, попрошу впредь относиться к моему сыну уважительно.

Она возводит взгляд к потолку и жестом указывает мне на дверь.

Прячу ксиву обратно в карман и стремительно иду к выходу.

Глава 9. Влад

Я сбегаю вниз по лестнице, не дожидаясь лифта.

Оказываюсь на улице. В лицо бьет прохлада. Пахнет сыростью и жженой травой.

В душе полный раздрай. Подумать только - у меня есть сын! В голове не укладывается эта информация. Мне даже уходить из этой жуткой квартиры не хочется. Хочется остаться, пообщаться с мальчишкой, узнать его получше.

Если бы не ядовитая Валентина, я бы точно остался. С удовольствием провалился бы в другой мир – порисовал бы с сыном гуашью, Марину бы дождался.

Она назвала сына Тимуром. Так, как я хотел. Может, и осталась у нее в сердце хоть капелька тепла в мою сторону? Или забылось все?

Сажусь в свой черный внедорожник, вставляю ключ в зажигание и ловлю себя на мысли, что очень хочу, чтобы у нее в душе осталось хоть что-то по отношению ко мне. Ведь я так и не смог ее забыть. Как чувствовал, что не все гладко у нее в далекой Турции. А вот про ребенка мысль мне не приходила.

В голове проносится тысяча мыслей, одна тревожнее другой.

С Мариной мы не увиделись, не поговорили. Не хорошо как-то.

Вспышки бывшего жгут изнутри, стирая обиды.

После развода и семи лет разлуки Марина так и осталась для меня той самой. Не смог я ее забыть.

Поворачиваю ключ в зажигании, и машина трогается с места. Я медленно выезжаю из двора. Присматриваюсь попутно к прохожим – вдруг увижу Марину? В груди саднит. От тоски саднит. От разлуки.

«Соскучился я, мышонок. Как же я по тебе соскучился... увидеть бы тебя, хоть одним глазком. Прижать к себе крепко-крепко, зарыться лицом в твои волосы, вдохнуть твой запах и успокоиться наконец».

Но тщетно я всматриваюсь в незнакомые лица. Марины нет.

подавляю разочарованный вздох. Жаль, что не удалось с ней увидеться. Может, завтра вечером? Я ведь сыну обещал, что приду.

«Он любит пиццу с пеперони», — напоминаю себе, и губы непроизвольно дергаются в улыбке.

А потом я вспоминаю, что в квартире, которую мы с Мариной когда-то вместе купили, нет ремонта, и улыбка гаснет.

«Ладно, завтра посоветуюсь с Пичугиным насчет ремонта. Может, он какую идею подкинет», - принимаю решение. Невозможно все проблемы разгрести за один вечер.

Вот и моя новостройка - ЖК «Новые огни».

Я ставлю машину на парковке. Забираю кожаную барсетку, папку с документами и медленно иду по красивой аллее домой.

А вокруг красота. Пышные молодые ивы склонились к лавочкам. Клены притихли, готовы сменить окрас и посыпать на траву и дорожку свои листья. Один за другим вспыхивают спрятанные в пышных кустах вечерние фонари. Надрываются в почти осенней тишине сверчки, навевают едва ощутимую грусть по поводу убегающего лета. Я твердо шагаю вперед, и в сердце медленно разгорается мужская гордость: у меня есть сын. Сын, мать его! Это ли не счастье?

На лавочке у моего подъезда сидит девушка. Тонкая, как тростиночка, коса до пояса. Хрупкие плечи вздрагивают. Не понял. Плачет, что ли?

Притормаживаю. Не каждый день видишь у подъезда плачущих девушек. Присматриваюсь. Узнаю нашего штатного психолога Ниночку, и глаза лезут на лоб.

— Нина? Вы как здесь оказались? Плачете почему? Обидел кто? — рвусь вперед.

Она поспешно вытирает слезы с щек. — Влад Матвеевич, добрый вечер! Вы не пришли сегодня на сеанс, и я решила, что может, вам помощь психолога требуется. Пришла, а вас еще дома нет.

Всхлипывает.

— А у меня... понимаете, день рождения сегодня... Только родители далеко, я не местная, и в отделе никто не вспомнил...

Я напряженно сглатываю.

Почесываю подбородок. Мы бы, может, и вспомнили, да только не до дней рождения нам сегодня было. Если бы у кого-то из мужиков был день рождения, после работы на коленке бы отметили. Нам много не надо. Напиток, желательно пятизвездочный, и на закуску что-нибудь. Вот и весь праздник. С Ниной такой номер не пройдет. Она девочка.

Сажусь рядом. Обнимаю ее за плечи.

— Нина, вы извините наш отдел, пожалуйста. Нас сегодня так загоняли, что...

Она отчаянно кивает.

— Я все понимаю! — перебивает мои неуклюжие оправдания. — Простите, что к вам приехала. Не стоило этого делать. Я домой пойду.

Я несколько мгновений смотрю в ее глаза. Бездонные, синие. Утонуть можно. Ну, как такую выгонишь?

— Не надо домой, — качаю головой. — День рождения надо отметить. Айда в магазин? Купим там тортик. Отметим, а потом я вам такси вызову.

В ее глазах вспыхивает... даже не знаю. Может, надежда, а может просто радость.

Я обнимаю ее за плечи, как боевого товарища. Мы вместе идем в небольшой минимаркет, что работает круглосуточно в соседней пятиэтажке на первом этаже. Я раскошеливаюсь – выбираю самый дорогой торт, а Ниночка уже на кассе прихватывает набор свечей с каким-то терпким ароматом.

— Ну, вот, другое дело, — уже на улице улыбаюсь я.

Ниночка тоже улыбается. Прячет счастливый взгляд.

— Совсем другое дело, Влад Матвеевич, — подтверждает мои слова.

— Нина, только у меня это... ремонта дома нет, — сообщаю уже у подъезда.

Она отмахивается:

— Ничего страшного.

— Нет, вы не понимаете. У меня его совсем нет.

— Напугать хотите? Так я не из пугливых.

— Ладно.

Поднимаемся на лифте на пятый этаж. Я вручаю ей торт и шампанское, отпираю дверь. Зажигаю в прихожей свет.

— Добро пожаловать в мое логово, — сообщаю браво. — Чувствуйте себя, как дома.

Она бледнеет.

— Влад Матвеевич, а как вы... как вы тут живете? Тут же бетон один? И проводка протянута по стенам и потолку, не прикрыта ничем?

Я смеюсь.

— Стиль жизни у меня такой. Можно не разуваться.

— Умеете вы шокировать, — она тоже смеется. Распаковывает свечи. — Ну, ничего, я сейчас свечи зажгу на подоконнике, уютнее станет.

Я пожимаю плечами.

— Может, и станет. Ванная комната справа. Там, кстати, ремонт есть. Я сам плитку укладывал.

— Да вы мастер!

— Еще какой, Нина.

Нина зажигает свечи, я вожусь с угощением. И моя берлога из бетона и провода понемногу наполняется едва уловимым уютом.

— Ну, с днем рождения? — приподнимаю бокал.

Нина смеется.

— Удивительно, что у вас бокалы нашлись.

Сердце охватывает тоска. Бокалы Марина покупала. Два бокала — для двоих. Годовщину свадьбы отметить. Да только так мы их и не открыли. Остались у меня эти бокалы.

Из приоткрытого окна веет медленно наступающей осенью, а я до сих пор болею Мариной. И кажется, болезнь эта не лечится.

Глава 10. Марина

Вечереет. Мы с Лидой сидим в небольшой кофейне с видом на парк.

Честно говоря, Лида за эти годы почти не изменилась. Все такая же активная и жизнерадостная. «Кудряшка», — улыбаюсь про себя. Волосы у Лиды светло-русые и вьются, оттуда и прозвище.

Когда-то мы вместе начинали — преподавали иностранный язык в частной школе. Лида была свидетельницей на нашей с Владом свадьбе.

Потом я сорвалась в Турцию, а она вставала на ноги здесь. За семь лет нежная кудряшка Лида сумела развернуться, открыла свою школу переводчиков, да еще и подбором персонала занялась. А еще — попала в десятку самых преуспевающих бизнесвумен нашего города.

— Клиенты у нас пока есть. Так что, Марин, если нужна работа, вливайся, — делится со мной Лида. — Офис у нас на Мадояна. Снимаем там на первом этаже помещение. Несколько аудиторий оформлены под занятия для взрослых, а еще имеется кабинет под собеседования. Мы его называем переговорной. Занимаемся подбором персонала для иностранных инвесторов. Правда, в связи с новой ситуацией в мире все чаще требуется знание китайского, реже турецкого. Ну, и английский пока вне конкуренции.

Я внимательно слушаю. Посматриваю на Лиду с надеждой.

— Работа мне нужна, как воздух, Лид, — признаюсь честно. — Я с сыном вернулась. Мальчику шесть с половиной, его бы в этом году в первый класс впихнуть. Только опоздала я с документами в школу уже, наверное.

— Почему опоздала? Тут главное — регистрация по месту жительства. Две недели у тебя есть, успеешь. Так, офис хочешь посмотреть?

Я киваю.

— Еще спрашиваешь? Хочу, конечно!

— Тогда поехали? Поздновато, правда, там сейчас никого нет. Но мне не терпится показать тебе наше новое детище. Ведь мы с тобой, когда начинали, у нас даже офиса своего не было. Помнишь?

Я улыбаюсь.

— Эх, хорошие времена были.

— Хорошие, но бедные. Я предпочитаю настоящее, — подмигивает мне подруга. — Так что, едем?

— Едем.

Мы платим каждый сам за себя и выходим из кофейни.

Лида, в отличие от меня, на хорошей машине. Она идет к парковке походкой завоевательницы в своем стильном брючном костюме и туфлях на аккуратном каблучке, а я чувствую себя не в своей тарелке. Нет, я тоже в хорошем офисном платье, и добротные лодочки подчеркивают мою стройность, но мне не хватает той уверенности, которая есть у Лиды.

Лида усаживается за руль, а я вжимаюсь в пассажирское сиденье и ловлю себя на мысли, что очень жалею о том, что уехала из страны на семь лет и все потеряла. Начинали мы вместе, на равных. Багаж профессиональных навыков у нас тоже примерно одинаков. Только Лида спустя семь лет — бизнесвумен, а я — мать одиночка без работы.

Прижимаю к себе сумочку и подавляю вздох. Кто же знал, что ситуация в мире изменится настолько кардинально и бросит меня на дно?

Машина медленно едет по вечернему городу, а я с жадностью верчу головой по сторонам. Места вроде знакомые, и в то же время что-то неуловимо изменилось. Вот сквер, а раньше был пустырь. Новые магазинчики появились, новые вывески. Жизнь не стоит на месте. Все меняется.

Лида притормаживает на перекрестке, а потом сворачивает в современный ЖК.

«Жилкомплекс Новые Огни» - читаю название на въезде и замираю на миг, пораженная в самое сердце. Это ведь тот самый ЖК, в котором мы с Владом покупали нашу двушку! Тогда здесь шла стройка. Котлован и пустое поле, огороженное забором. А сейчас сказка. Я и подумать не могла, что застройщик постарается и такую красоту сделает.

— Ничего себе! Это здесь вы снимаете офис? — уточняю у Лиды.

— Ага, — она кивает, а сама неотрывно следит за поднимающимся шлагбаумом. — Новый ЖК, много молодежи. Мы клиентоориентированы.

Я во все глаза смотрю на новый сквер для прогулок. На фонтан, на созданный строителями мостик, который сейчас подсвечен фонариками. Где-то здесь должна быть квартира, которую мы с Владом когда-то покупали. Интересно, он ее продал? Без меня бы не продал, я же созаемщиком шла по ипотечному договору. Ипотеку он не закрыл, я бы знала.

Я даже адрес помню, этаж... интересно, какой из подъездов наш?

Лида въезжает на парковку, и вскоре мы выбираемся из машины.

В нос тут же бьет запах сырости и пожухлой травы, которую успело за лето пережечь солнце. Воздух прозрачный и прохладный, именно такой, как бывает исключительно накануне осени.

Глаза обжигает. Родная земля, родные запахи. Я вдруг осознаю, как сильно мне этого не хватало в Стамбуле. Нет, все же родина – это нечто потрясающее. Свое. Правду говорят, что дома и стены лечат. Здесь все лечит. Жаль, душу мою не вылечить от тоски.

Мы подходим к высотке.

Вывеска «Школа иностранных языков «Торнадо»» бросается в глаза.

Лида отпирает дверь и выпускает меня внутрь.

Здесь все оформлено так, как я люблю: картины с иностранной грамматикой на стенах, кофемашина на столе, кулер, уютные небольшие аудитории, оснащенные по последнему слову техники.

Место администратора устроено так, что хочется остаться. Располагает. И я понимаю, что хочу остаться здесь работать.

Лида испытующе смотрит на меня.

— Ну, как тебе мое детище?

— Великолепно, — отвечаю искренне.

— В общем, приезжай завтра в первой половине дня, часам к десяти, все обсудим. Если получится, приглашу нашего уважаемого турецкого клиента. Заодно и побеседуем.

— Обязательно приеду. Про дресс-код помню, ничего лишнего.

Лида улыбается.

— Старая школа не забывается. Кофе хочешь?

— Нет, спасибо.

— А я себе сделаю. Состояние какое-то сонное, может, хоть взбодрюсь?

У меня звонит мобильный. Звонок поступает от мамы, и я настораживаюсь. Не люблю, когда она звонит без повода.

Пока Лида делает себе кофе, я отхожу к окну и отвечаю на звонок.

— Да, мам? Что случилось?

— Что случилось? Муж твой бывший в гости к нам приходил, вот что случилось!

Я чувствую, как пересыхает в горле.

— Влад? — уточняю хрипло.

— Конечно, Влад! У тебя других мужей, к сожалению, не было! Так вот, Марина, заявляю официально: я на своей территории хамства не потерплю! Завтра же пойду в полицию писать на него жалобу. А тебя предупреждаю: еще раз он появится в моей квартире, вышвырну и тебя, и Тимура на улицу. Так и знай!

Глава 11. Марина

В трубке раздаются короткие гудки. Я замираю.

Почему-то дрожат руки. Ноги становятся ватными. Перед глазами все плывет. Угрозы мамы я пропускаю мимо ушей, она пустозвон, а вот известие о том, что Влад приходил, здорово выбивает почву из-под ног. Как он узнал, что я вернулась? Зачем приходил?

Лида с любопытством смотрит на меня.

— Все в порядке?

Я сжимаю телефон и медленно сажусь рядом с ней на ярко-зеленый диванчик для посетителей.

— Мама звонила. Сказала, Влад приходил, — сообщаю растерянно.

— Ничего себе! Старая любовь не ржавеет? Как он узнал, что ты приехала?

— Не знаю.

В голове шумит. Непрошенные мысли взрывают мозг.

Лида вдруг улыбается.

— А помнишь, как он тебе свадебное платье привез ночью перед свадьбой?

Я грустно усмехаюсь.

— Помню.

Проваливаюсь в прошлое. Я тогда платье одно заметила. Хотела в нем под венец идти до умопомрачения. Оно было утонченное, стильное. Итальянское, из последней коллекции. И стоило это свадебное платье под сотню тысяч. Мама сразу пальцем у виска покрутила. «Вот если бы ты Илью в мужа выбрала, он бы тебе такое платье купил», — бросила с укором. — «А так – на прокат возьмем то, что подешевле».

Влад слышал. Промолчал, но таким взглядом мою маму тогда опалил, что она заткнулась и весь вечер носа не показывала.

В общем, не знаю, чем они с Пичугиным владельца салона запугали, но в ночь перед нашим бракосочетанием Влад привез мне это итальянское платье. Я от счастья расплакалась. Примерять кинулась. Мама все шипела, что плохая примета жениху видеть платье невесты перед свадьбой, а мы ей назло все целовались и целовались...

Рассеянно улыбаюсь вслед воспоминаниям: полночь, прихожая, я в платье, и наши с Владом жаркие поцелуи.

Вздрагиваю, стряхиваю с себя непрошенные кадры из прошлой жизни.

Что-то больно колет в сердце. Я внезапно принимаю решение сходить на ту квартиру, которую мы покупали.

— Уверена? — Лида потирает переносицу. — Может, он там и не живет давно?

Я качаю головой.

— Живет. Он первый взнос на ипотеку делал из своего наследства – его родители часть средств вкладывали. Поэтому я на нее не претендовала взамен того, что он будет сам платить ипотеку.

— Может, он и женился уже?

— Неважно, Лид. Я просто уточню у него, зачем он приезжал, и все.

— Сходить с тобой?

— Нет, я сама. Сейчас только адрес уточню, у меня где-то был записан в телефоне.

Адрес находится быстро. Квартира 191, на пятом этаже в двадцатиэтажной башне.

Мы с Лидой долго топчемся между подъездами, ищем нужный.

Темно уже, сложно ориентироваться. Хорошо, что прохожий подсказывает, куда идти.

— Может, с тобой сходить? — не унимается Лида. — Ну, что ты одна к нему пойдешь? Да и темно уже.

Я вздыхаю.

— Лид, мне неловко тебя просить, — признаюсь ей честно. — Ты и так откликнулась на мой звонок.

— Да ладно тебе, мы ведь не чужие! Сколько всего мы с тобой пережили, когда учились? Помнишь? Сколько у нас поклонников было, от которых потом убегали?

Я улыбаюсь.

— Помню, конечно. Как не помнить?

— Так что, идем вместе?

— Идем, — киваю согласно.

Мы подходим к двери подъезда.

Переглядываемся.

Лида кивает:

— Давай.

Я жму на кнопки домофона: 191В.

Длинные гудки. Первый, второй. Потом следует молчаливый щелчок, приглашающий войти.

— Хотя бы поинтересовался, кто звонит, — Лида осуждающе качает головой.

В подъезде тихо и чисто. Мы вызываем лифт. Ныржаем внутрь, и я жму на цифру «5».

Пытаюсь унять дрожь в теле. Страшно встретиться с прошлым.

За моей спиной нерушимой опорой стоит Лида, но я все равно нервничаю. Ловлю себя на мысли, что хочу в глаза Владу заглянуть. Увидеть его хочу. Запах почувствовать, близкий и родной. Хочу его... О том, чтобы оказаться в его объятиях, я даже не мечтаю. Надеюсь, он не откажется от сына. Тимурке очень нужен отец. Чем старше он становится, тем сильнее я ощущаю, что не вывожу одна. Мальчик должен видеть перед глазами мужской пример. А у нас – бабушка, я и мама. Гарем неудачниц. Какой мы ребенку пример?

Вот и квартира под номером 191. Дверь коричневая, стандартная, от застройщика. Никто не менял.

Лида осторожно сжимает мою руку для поддержки.

Я выдыхаю. Робко стучу, и ощущаю, как сердце бухает в висках. Вроде смелая, а от волнения трясусь, как осиновый лист.

Дверь приоткрывается. На пороге – молодая девушка. Тонкая, как тростиночка. Волосы длинные, до пояса и глаза синие. Выдыхаю. Осекаюсь. Напряженно сглатываю.

— Здравствуйте, — она приветливо улыбается.

А я заглядываю через ее плечо – и вижу пылающие свечи, торт.

«У него же романтик!» - летит запоздалое осознание. Изнутри испепеляет жгучая досада.

Сквозь стекла на лоджии я замечаю мужской силуэт. Такой близкий, такой родной... Отшатываюсь.

— Простите, мы дверью ошиблись, — бормочу невнятно и пячусь назад.

Лида не успевает даже рта открыть, как я опрометью бросаюсь к лифту. Жму на все кнопки подряд, вваливаюсь внутрь и отправляю нас на первый этаж.

Прижимаюсь спиной к стене. Прикрываю глаза и дрожу, как осиновый лист. Даже зубы стучат от напряжения.

— Мать, ты чего? — ошарашенно таращится на меня Лида. — А уточнить, зачем он приезжал?

— Прости... кажется, я облажалась... Смелости не хватило...

Прикрываю лицо рукой, всхлипываю.

— Вот дура! И зачем только решила к нему лично прийти? Мы семь лет, как в разводе.

— Марин, ну, не надо, — с сочувствием посматривает на меня подруга. — Давай, я тебя домой отвезу?

— Давай.

Лида уверенно идет по темной аллее к парковке.

Я растираю по щекам непрошеные слезы, ругаюсь на себя мысленно, стараюсь не отставать.

Подруга снимает сигнализацию с авто, я плюхаюсь с размаху на переднее сиденье. Приказываю себе дышать. Вдох-выдох.

Уверенно поворачивается ключ в зажигании, и машина оживает. Трогается с места и вливается в поток автомобилей на перекрестке.

Я смотрю в темноту. В душе пустота. Годы разлуки с Владом выжгли ее дотла. Там, в чужой стране, я жила на автомате. Старалась все успеть. Заглянуть себе в сердце у меня просто не было сил. Вернулась – и столкнулась с собой лицом к лицу. Есть вещи, которые из сердца не вытравить. В прошлом Влад был для меня всем. Взрослый, суровый, сильный. Мой первый мужчина, мой муж. В его объятиях я впервые ощутила, что значит быть женщиной – хрупкой, нежной, любимой.

Как жаль, что иногда отношения рушатся. Обиды, обиды...

Прошло семь лет. Я изменилась, Влад изменился. Мы взрослые. Обиды померкли. Стерла их умело память.

В реальности между нами пропасть... и сын.

Глава 12. Влад

Я открываю балконную дверь. Захожу в гостиную. Нины нет. Шарю взглядом по сторонам.

Нина стоит у приоткрытой двери в прихожей. А за дверью... Марина? Торопею от изумления, а потом срываюсь с места.

— Влад Матвеевич, у вас домофон сработал, я дверь открыла... — напуганная моей реакцией, оправдывается Нина.

Но я не отвечаю. Отталкиваю ее в сторону, выглядываю на лестничную клетку.

— Марина! — зову громко.

Лифт занят, едет вниз. Понимаю, что Марина уехала на лифте.

Сбегаю по лестнице, как ошалелый. Я не мог ошибиться! Марину я везде узнаю.

Слышу, как хлопают двери лифта внизу.

Свешиваюсь вниз.

— Марина! — зову громко. Но в ответ только эхо и бешеный пульс в висках.

Когда я оказываюсь у двери подъезда, гости уже и след простыл. Выбегаю на улицу, жадно верчу по сторонам головой.

Вокруг оживленно. Сквер полон народа. Кто с детьми, кто с собакой. Гуляют, погода хорошая. Попробуй, угадай со спины бывшую женушку. Я ведь только глаза ее увидел, одежду даже не успел рассмотреть, мелькнула она в проеме и заскочила в лифт.

С досадой провожу рукой по лицу. Игра в кошки-мышки какая-то, честное слово.

Медленно возвращаюсь обратно в подъезд. Вызываю лифт.

Поднимаюсь к себе на пятый этаж.

Нина сидит в прихожей на тумбе. Смотрит понуро в пол.

Я прислоняюсь к стене. Выдыхаю.

— Зачем она приходила, не сказала? — уточняю у своей гостьи.

Нина качает головой.

— Сказала, что дверью ошиблась и в лифт рванула.

— Ясно.

Некоторое время мы молчим.

Нина поднимает на меня свои бездонные глаза.

— Это ваша бывшая жена, да? — уточняет осторожно.

Я хмурюсь. Потираю подбородок.

— Да, — киваю согласно.

— Ясно.

Моя нежная гостья поднимается с тумбы. Берет сумочку.

— Нин, я... — пытаюсь остановить. Касаюсь ее руки.

Она смотрит мне в глаза, пронзительно и долго.

— Вы ее любите, Влад Матвеевич?

Я напряженно сглатываю.

— Молчите? Значит, любите... А я все ждала, когда вы на меня внимание обратите. Мне почему-то казалось — еще немного, и лед тронется. Видимо, ошиблась.

Нина горько усмехается. Убирает мою руку, идет к лифту. Жмет на кнопку, но тот занят.

Я пытаюсь подобрать слова, но они почему-то не идут. Застревают в горле.

— У нас с ней сын, — произношу наконец.

Нина резко оборачивается.

— И что? — произносит с отчаянием в голосе. — Миллионы людей разводятся, платят алименты. Не вижу никаких проблем.

Она смотрит на меня неотрывно. В глазах плещется надежда на взаимность.

А я не знаю, что ей сказать. Как объяснить, что в моей голове все эти годы продолжала жить Марина? Она материализовалась, и думать о другой женщине очень сложно.

— Молчите? Ладно, забудьте.

— Нина! Постой...

Она не отвечает. Стукнув раздраженно рукой по кнопкам застрявшего между этажами лифта, начинает спускаться вниз по лестнице.

Я с досадой провожу по лицу рукой. Почувствуй себя героем, называется. Хотел Нине настроение поднять, день рождения отметить. Вроде как искупить вину отдела, который про нее забыл. Ага.

И Марина... для чего приходила? Что хотела сказать? Что я стал папой? Опомнилась семь лет спустя?

Уже собираюсь зайти обратно в квартиру, как двери лифта наконец распахиваются. У меня отваливается челюсть и дергается глаз, потому что из лифта выходит Пичугин с пышным букетом темно-красных хризантем.

— Андрюша, это ты мне букет принес? — озадаченно потираю подбородок. — Не стоило, брат. Честное слово... Я тебя, конечно, люблю, но это перебор.

— Тебе? Размечтался, — отмахивается друг.

Вздыхает. Машет пакетом с угощением.

— А кому? — приподнимаю бровь.

— Впустишь, расскажу.

— Так жрать хочется, что переночевать негде?

— Не то слово. Мне домой с цветами нельзя, мать подумает, что ей. Ругаться начнет, что деньги трачу. У нее аллергия на цветы.

— Ладно, заходи, чего уж...

Я вздыхаю. Пропускаю Пичугина вперед.

Андрей живет с матерью. Нет, не от того, что он маменькин сынок, совсем не поэтому. Просто жизнь у нас собачья, все свободное время убиваем на работе. Иногда даже забываем, что у нас дом есть. А мама у Андрея старенькая совсем. Жены нет. Вот он и делит с ней жилплощадь. Так удобнее. И единственный родной человек под присмотром, и завтрак есть, кому приготовить. Правда, есть один нюанс – бабу просто так не приведешь. Но это уже лирика.

Мы заваливаемся в мою берлогу из бетона и проводки - Пичугин с пышным букетом хризантем и пакетом, и я, как дурак с мытой шеей.

— Так кому цветы? — повторяю вопрос. Уже и самому жуть, как интересно, ради кого Андрей наизнанку вывернулся, и кто его продинамил.

Глава 13. Влад

Андрей по-свойски проходит в гостиную, он здесь частый гость. Достает из пакета всякие мужские вкусности.

— О, торт! И свечи? Свидание, что ли, было? — смотрит на меня с интересом.

Я фыркаю.

— Неудачное, — поясняю неохотно.

— Что ж, бывает... — Андрей подхватывает ножом кусок торта и отправляет в рот. Замирает.

— Слушай, а у тебя ваза есть? — смотрит на меня с надеждой.

— Откуда? Я что, баба, вазу для цветов дома держать?

— А куда ж букет? Может, ведро есть?

— Нет у меня ведер, Андрей. Пятилитрушка пустая из-под воды есть. Сойдет?

— Сойдет.

Мы перемещаемся на кухню. Режем ножом пятилитрушку, наливаем воду и вставляем туда букет. Торжественно заносим букет в гостиную. Получается очень даже ничего, даже на фоне бетона вместе со свечами смотрится отлично.

— Так откуда ты с цветами? — я посматриваю на друга.

Тот тяжело вздыхает.

— У Ниночки нашей день рождения сегодня, ты знал?

Я морщу лоб. Кажется, начинаю понимать, откуда ветер дует.

— Я ее под кабинетом два часа прождал! Написал три сообщения, что мне срочно требуется психологическая помощь! Она ни на одно не ответила. А я в этот букет треть аванса бухнул. Вот как после этого верить психологам?

— Так это для Ниночки? — протягиваю понимающе.

— А для кого же еще?

Внезапно чувствую себя предателем. Откуда я знал, что Андрей решит Ниночку лично с днем рождения поздравить? Да и не приглашал я ее на свидание, просто поддержать хотел в день рождения, чтобы она не расстраивалась.

Вот вам и Ниночка. Бомба замедленного действия.

«Та еще стервоза», — мелькает досадное.

Я понимающе похлопываю друга по плечу.

— Андрюха, психологи – зло. Они в душу лезут без приглашения, по приказу полковника Ежова. А молодые, с красивыми глазами психологини – двойное зло, — поясняю уверенно.

— То-то и оно, — угрюмо соглашается он.

...Свечи на окне красиво пылают.

Хризантемы пахнут осенью, а мы с Андреем сидим за столом и давимся тортом.

Я посматриваю на цветы.

— А давай их утром в отдел отвезем и Нине вручим?

Андрей оживляется.

— Думаешь, не увянут?

— Не, еще пышнее станут. На балкон их только вынесем, там прохладнее.

— Давай вынесем?

Андрей с готовностью поднимается из-за стола. Берет в руки самодельную вазу из пластика, и торжественно тащит букет на лоджию.

Я иду за ним следом. Подмечаю, что слишком уж Пичугин о букете печется. Зацепила его Ниночка своим бездонным взглядом. Да только жаль, безответно это.

Пичугин ставит букет на подоконник и вдруг замирает.

Поворачивается ко мне.

— Каверин, мы что, снова лето проморгали? Осенью пахнет, чувствуешь? И отпуска нормального не было...

Я опираюсь плечом о бетонный косяк, киваю.

— Чую. Очередная осень на пороге, а у меня ремонта нет, — произношу понуро. И почему-то именно сейчас весь этот недострой, провода на потолке – дико меня раздражают.

— Так сделай?

— Издеваешься? Завтра Полковник Ежов новое задание нам придумает. Не до ремонта будет.

— Может, бригаду нанять?

Я отмахиваюсь.

— А то ты не знаешь, как бригады ремонт делают!

Андрей ловит мой взгляд. Усмехается.

— Ты к Марине, что ли, ходил?

Я кривлюсь.

— Ходил, да. С тещей поругался. Эта язва пообещала завтра утром к нам в отдел прийти, жалобу на меня писать хочет.

Пичугин смешливо морщит крупный нос.

— Тетя Валя не меняется?

— Она теперь не тетя. Она теперь у нас баба Валя, — с гадкой улыбкой поправляю друга.

— Да ладно? — сверкает озорным взглядом тот.

— Часики тикают. Не отвертись. Я теперь отец, Андрей. У меня сын есть.

— Видел его?

— Угу. Завтра вечером пообещал в гости прийти, погулять его хочу забрать. Познакомиться поближе. А Марину... прибить ее хочется. Как она могла мне не сообщить о сыне?

— Известно, как. Баба Валя убедила ее в бесполезности этого действия.

Я угрюмо передергиваю плечами.

— А эту стерву вообще бы... на пятнадцать суток, улицы подметать, оформить! Хотя, черт с ней. Я теперь о сыне думаю. Вот куда я его приведу? Сюда?

Андрей почесывает колючий подбородок.

— Незадача, согласен. Тут помещение нежилое. А для детей вообще опасное – указывает пальцем на вкрученную в патрон лампу, болтающуюся под потолком вместо люстры.

Я отвожу взгляд.

— То-то и оно.

— Слушай, а может, давай на выходных попробуем хотя бы стены покрасить? У ребят в отделе надо спросить, может, у кого есть потолочники? Чтобы потолок натянули и безобразие из проводов закрыли?

— Можно. А плитку я и сам вроде класть умею. В ванной же смог сделать ремонт? И на кухне смогу?

— Ну, вот. Видишь, если хорошенько подумать, то мы с тобой мастера на все руки! — смеется Андрей.

Я выглядываю в окно. Там фонари освещают красивый парк.

Может, и получится ремонт доделать своими силами? Ребята из отдела помогут, если что. У нас коллектив в этом плане дружный. Если помощь кому требуется, все скидываются, кто чем может.

В душе вспыхивает надежда на чудо.

— Может, и к Новому Году управимся? Елку поставим, — распаляется Пичугин. — Помнишь, мы в прошлый Новый Год у тебя хотели всем отделом банкет устроить, а сосна за провода зацепилась, и электричество вырубил?

Я фыркаю.

— Помню. Соседи мне потом всю неделю выговаривали за электричество.

Потом мы с Андреем молчим.

Просто стоим на лоджии, таращимся на вечерний город.

У меня в сердце разливается едким ядом тоска. Марину, я, конечно, простить не могу. В голове не укладывается, что она забыла мне сообщить о сыне. А воображение уже предательски рисует красивую картинку – елку, камин...

Глава 14. Марина

Я захожу в квартиру. Бросаю сумку на комод, сбрасываю с ног туфли.

— Я дома! — сообщаю громко.

— Мама! — слышу голос сына. Он несется ко мне из гостиной.

Глаза у Тимурки широко распахнуты, и он возбужденно виснет у меня на руке.

— Мама, у меня есть папа!

Я напряженно сглатываю. Значит, познакомились, если Тима так вдохновлен.

— Я думал, бабушка врет все, но он и правда мент! — продолжает прыгать вокруг меня сын.

Так, приехали.

— Это кто тебе сказал такое? — уточняю осторожно.

— Он мне свое удостоверение показал! Там все написано. Папа сказал, что завтра вечером придет! Что мы с ним пойдем гулять. Я глажу сына по голове, а сама чувствую, как почва из-под ног уходит.

Заглядываю в гостиную.

Мама и бабушка смотрят телевизор. Обе молчат, губы поджаты - видимо, успели переругаться в мое отсутствие.

— Рассказать ничего не хотите? — пронизываю их обеих колючим взглядом.

Мама ухмыляется.

— А что тут рассказывать? Вломился в квартиру, обзывать начал. Все по сценарию, Мариночка! Твой бывший муж не меняется.

— Да все нормально с ним! Пришел, торт принес. Хотел с тобой повидаться, — перебивает ее бабушка. — Я ему чай сделала, поговорили мы с ним по душам.

— Ты ему про сына сказала, да, бабуль? — сглатываю напряженно.

Она вздыхает. Смотрит на меня прямым взглядом.

— Марин, а разве из ребенка надо тайну делать? Или... не он отец? — внезапно пугается.

Я фыркаю.

— Конечно, он! Я ведь беременна была уже на момент развода. Только поняла это позже...

— Твой ненаглядный сказал, что придет завтра вечером, чтобы сына у тебя забрать, — тяжелой артиллерией обрывает меня мама. — Так что готовься. Битва будет тяжелой. У Владика связи, знакомства. Мент он, опять же. А ты, Мариночка – никто. Как была никем, так и осталась!

Последнюю фразу мама произносит с особым удовлетворением. Как будто мстит мне за то, что у нее не сложилась жизнь в Стамбуле.

Я прислоняюсь спиной к стене. Нехорошо становится.

— Как, забрать? — уточняю растерянно. — Куда забрать? Ребенок мой!

Бабушка не выдерживает.

— Валя, у тебя совесть есть вообще? Как можно так перевернуть слова?! — взрывается праведным гневом. Поднимается с дивана, подходит ко мне. Гладит по руке. — Успокойся, Мариночка. Ничего подобного Влад не говорил. Просто попросил разрешения завтра вечером прийти, чтобы с сыном погулять. Он не знал, что у него есть ребенок. Распереживался. Я его понимаю, не каждый день прошлое врывается в твою жизнь, да еще и с ребенком в охапку.

Я смотрю на бабушку. Сердце колотится в груди часто-часто. Кажется, вот-вот выпрыгнет. Уехала из дома на пару часов, а тут без меня уже судьбу ребенка решают.

— Папа сказал, мы в пиццерию пойдем, мою любимую пиццу пеперони есть, — встречает Тимурка. — Мам, можно же?

И столько надежды светится в его глазах!

— А у меня твой папа разрешения не хочет спросить? — уточняю строго.

Сын переминается с ноги на ногу.

— Я могу за него у тебя разрешение спросить, — находит выход из положения. — Можно в пиццерию сходить, мам?

Я хмурюсь.

— Без меня нельзя. Если твой папа действительно придет завтра в гости, для начала нам с ним придется серьезно поговорить.

— И на алименты желательно подать. Чем скорее, тем лучше, — вставляет свои пять копеек мама.

«Куда ж я без твоих советов, мам?» — усмехаюсь про себя.

Тимурка супится. Скрещивает маленькие руки на груди, морщит нос. Смотрит на меня исподлобья мрачным взглядом, как будто я его враг.

Мама поднимается с дивана. Устремляется в сторону кухни.

— Марина, что хочешь, делай, но Влад здесь гостем не будет! Квартира моя, а значит, на правах хозяйки я имею право принять такое решение. Запомни: чтоб ноги его здесь не было! Хочет с сыном гулять – пусть его у подъезда ждет. А еще лучше – на другой стороне улицы.

Бабушка закатывает глаза.

— Ну, началось.

— Что началось?! Я имею право обезопасить себя от нежелательных людей! Я еще завтра с утра пораньше пойду к нему в отделение, жалобу напишу, — произносит жестко уже у двери.

Я непонимающе смотрю на нее.

— Зачем?

— А чтоб жизнь маслом ему не казалась!

— Мама, не вздумай позориться! Еще не хватало, чтобы тебя в отделении полиции в лицо узнавать начали.

— А ты мне не указывай, понятно? Не доросла еще, матери указывать! — машет у меня перед лицом указательным пальцем.

— Ты бы лучше пошла в центр занятости населения, на учет встала! Глядишь, работу найдешь и дурь из головы выветрится, — пыхтит у нее за спиной бабушка. — Мне иногда кажется, что тебя нам в роддоме подкинули, честное слово! Откуда в тебе столько яда?

— С мое бы нахлебалась, тоже бы ядом брызгала, — не унимается мама.

— Чего ты нахлебалась? Нет, серьезно? Жила в свое удовольствие, квартиру мою промотала в своей Турции, любовников меняла, как перчатки. А теперь и Марине жизнь портить собралась? Оставь уже ее в покое, мальчику отец нужен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.